

Кто на свете всех милее

Ольга Гулякова и Станислав Шве́ц —
звезды Людвигсбургского фестиваля

Сегодня -
- 1996. - 20 окт. -
с. 10

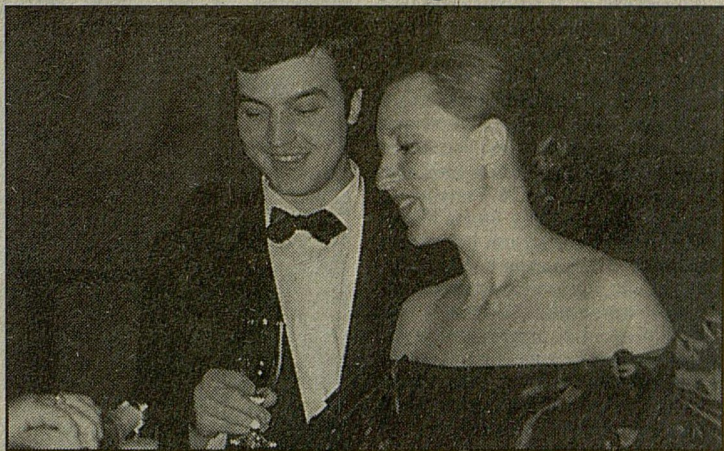
Людвигсбург—Локкум

Алексей Парин

Людвигсбург-96 завершился празднично и шумно. Долгими дружными овациями провожали зрители участников концертного исполнения «Корсара». Ранние, «галерные» оперы Верди стали неотъемлемой частью фестиваля — четвертый раз мощная волна эмоций окатывает публику с ног до головы. Вольфганг Гённенвайн сумел насытить рядовой вердиевский опус, который даже в исполнении суперзвезд Джесси Норман и Монтсеррат Кабалье не кажется шедевром, магнетической энергией и придать ему эстетскую рафинированность. Фестивальный оркестр ошеломлял лавиной слитностью tutti и ювелирной отделкой сольных эпизодов. На первый план выступала неподдельная красота музыкального высказывания, покоящаяся на ласковых руках интерпретатора.

Двое певцов входят в вердиевскую команду Людвигсбурга с самого начала — тенор с Гавайских островов Кит Иккай-Пурди и американка Мартили Рауленд. Первый, весь огонь и буря, с ходу дал «Корсару» такое ускорение, что другим только оставалось принять правила боя. Кабалетту первой картины он оторвал, как отрывают Di quella rìga из «Трубадура», намекнув тем самым на глубинно-парадигматическую природу бессмертного злыгера. Вторая, вся зрелость и уверенность, кое-где блеснула, кое-где навалила, но не захватила ни на секунду, тем более что все верхи, коих в партии Гюльнэры немало, дребезжали и паралили, как битое стекло. Новый для Людвигсбурга австралийский баритон Барри Андерсон, обладатель красивого баритона капуччиниевского типа, разворачивал богатства своего вокала с чувством, с толком, с расстановкой, жалко только, что расстановка оказывалась чересчур однообразной.

Сенсацией вечера стала Ольга Гулякова в партии Медоры — второй

среди женских по значимости, но на редкость правильно придуманной Пьяве и Верди: ее плавный романс Non so le tette immagini искусно уравновешивает бурю теноровой кабалетты, а в финальном терците с хором ненавязчиво утверждается главенство тонко чувствительной души (Медора) в противоположность своевольному сердцу (Гюльнэра). Женские роли немного напоминают по функциям Никию и Гамзатти в «Баядерке» Петипа: проникновенность танца со змеей перевешивает все феузе на свете. Голос Гуляковой лился вольным потоком и возводил служение благородной красоте в принцип существования. Когда слушаешь певицу, чья судьба тебе небезразлична, боишься быть пристрастным. Но можно сказать смело: на этом пении стоял такой весомый знак качества, на образности красовалось такое клеймо одухотворенности, что даже небольшие «бяки» в переходах к самым верхним нотам, отзываясь секундной болью, не смазывали общего ощущения чуда. Достаточно сказать, что строгий Хорст Кёглер (чи статьи время от времени печатаются в «Сегодня») разразился неуместной хвалой в адрес Гуляковой и без обиняков назвал ее новой Тебальди. Добавлю, что после концерта Гулякову ждала у дверей людвигсбургского Форума толпа новорожденных поклонников, так что бедной Рауленд, принятой публикой вежливо, но сухо, осталось

пройти мимо, похлопав молодую и красивую соперницу по плечу с кислым возгласом «Фройляйн, браво!». Кто на свете всех милее, публика разобралась без подсказок.

Триумф Гуляковой в «Корсаре» — не первый подвиг певицы в Людвигсбурге. Первая в ее жизни зарубежная гастроль началась неделей раньше исполнением До-минорной мессы Моцарта. Вместе с высококлассным хором, добротным оркестром из Праги и двумя заурядными немецкими солистами моцартовские высоты штурмовали русские вокалисты. Бас Станислава Швеца (Людвигсбург уже прославил юного певца в середине лета, когда он роскошно спел Те Deum Генделя) сиял и переливался, как темный шелк на солнце, полнота звучания и благородство тембра вызывали в памяти высшие достижения Николая Гяурова. Гулякова в арии Et incarnatus est сумела обрисовать мягкими лирическими красками чудо Благовещения: ее голос вбирал в себя и Деву, и Ангела, медленно трепетали на легком ветру крылья, замিরало от счастья сердце Избранной.

Почти год назад Вольфганг Гённенвайн услышал в Москве молодых певцов, влюбился в них — и затребовал к себе в Людвигсбург. Москвичи принесли ему ответную любовь, упакованную в дивные голоса. Плоды любви с восторгом вкусила благодарная публика.